

К 80-летию Н.Г. Доможакова (1916-1976 гг.)

Николай Доможаков

ЫРАХХЫ
ААЛДА

Роман

Читайте в журнале

АВАКАН-1996

байнера. Под присмотром колхозных табунщиков копытят снег кони. Черноглазый парень на жнейке: "Так и льнет к тебе пшеница за твои труды. И ложатся аккуратно золотом ряды". "Очкастый" водитель новенького ГАЗа, почуявший в тайге у шумного костра. В этих стихотворениях приметы времени - пионерские галстуки школьников, шум тракторов МТС, конная жнейка, доска почета, первые электролинии, первые железные дороги, речной паром - воспринимаются естественно и психологически оправданно.

Временной отрезок поэтического творчества Доможакова длится от середины тридцатых до середины семидесятых годов. Это период становления хакасской поэзии. "Можно заметить, что в его творчестве, как в капле воды, отразилось развитие всей хакасской литературы со всеми ее национальными особенностями, достоинствами и недостатками. Явившись одним из ведущих писателей Хакасии 50-60 годов, он прокладывал пути для самых многообразных жанров литературы", - П.А.Трояков.

Трудно даже представить, насколько ответственную за дачу выполняли первые хакасские литераторы. К примеру, мощнейшая русская культура насчитывает почти тысячелетнюю историю авторского творчества (от "Слова о полку Игореве"), имеет тысячи великолепных мастеров слова, работавших в сфере развития языка и литературы. Несомненно с несколькими десятками лет истории хакасской литературы и буквально считанными единицами имен хакасских писателей. "Николай Доможаков принял эстафету от первых поэтов Хакасии - Петра Штыгашева, Василия Кобякова, Михаила Кокова", - М.А.Унгвицкая. Одновремен-

ные? Улуг Федор и дед Хоортай говорят, что наступило новое время. Но ведь работа осталась старая. А есть ли на свете для хакасских чабанов и табунщиков другая работа. Этого Сабис не знает..."

Роман был любимым детищем писателя. Со страниц этой книги веет запахами степной земли. Листаешь и видишь древний курган, каменное изваяние и кружашего в высоте беркута, слышишь гулкий топот конских косяков. Люди далекого аала - земные, настоящие, с характерами яркими и своеобразными. Худенький, почти тщедушный старик Хоортай. Его широкие скулы обтягивает задушенная морщинами черными угольками. Чабаншица Домна: "Среднего роста, широкая в кости. Рукава платья она закатала, обнажив очень полные руки. Гдлова ее повязана линиям вышитым платком, из-под которого выпущены две косы".

Огромнейший интерес представляют бытовые сцены и описания. Хакасский юрта: "Круглое помещение не имело окон, в самом верху сведенной конусом юрты было проделано отверстие для дыма. Под ним на земляном полу устроен грубый кирпичный очаг, в котором, чада, горят коровьи кизяки. К одной стене была приставлена низкая лежанка, застланная овчинами, к другой - деревянный ларь, к третьей - ящик, оббитый полосками жести. Четвертую стенку занимали полки с деревянными блюдами и корытцами, мельницей для муки, глиняными горшками, кринками, чашками. С пятой стены глядели потемневшие иконы, а на шестой висели хомут, волосной аркан и пастушеский бич. Пахло кизячным

Сын времени и своего народа

Удлая старуха Время все расставит по своим местам, каждому воздаст по заслугам. Ее не обманешь зловещих фраз. В советский период в окололитературном растве порхали иные зарифмованные и в прозе "дат-одиодневки". Где они теперь? В самый короткий срок ились идеологические критерии творчества. Но от истинные духовные ценности.

ники, не кривя душой, называли Николая Доможакова писателем жизни хакасского народа, возрожденного им Октябрем". Действительно, его произведения полны укладываются в рамки метода социалистического реализма: классовый подход, национальная форма при са-терациональном содержании ("заинтересованность ми народов, борющихся за свободу в капиталистич-и зависимых странах"). И тут же замечали, что для го из своей лирики он находит и свежие краски, и по-е образы, а иногда "бстаеся только декларируе-еждение, подчас просто перечисляет факты действи-и, и поэзия в его стихах перестает ощущаться, они еся сухими и бледными". В первую очередь это ка-литический тем. А если освободить золотое зерно огиической и политической шелухи?

Сартаков, авторитетный специалист по литерату-енных народов Сибири, писал о детстве Николая кова: "Гремят шаманские бубны, витийствуют ка-риезские. Легко ли во всем разобраться? Особенно ке, не понимающему русских слов, отец которого, ованый в колчаковскую трудовую армию, погиб о где, а мать из последних сил работает на баев, мнет овчины, валает кошму, шьет им шубы и маймахи - сапоги. Забота одна: только бы спасти детей от го-Нег, не об абстрактном "дореволюционном" про-асказывал Доможаков, а о себе самом, когда в сти-ении "Торг" описывал мальчика с больными, крас-как у глухара, глазами. На тяжелые летние работы адавала сына чужим людям за пятак, за рубашку под азами этого мальчика надо смотреть, чтобы по-огательную безыскусность и поэтическую прелесть оворения "Моя школа": красный утес над Изых-Та-рой улус, школьники, бегущие на уроки.

менно, установки общества влияли на творчество ли-ратора. Многие воспринимаются сейчас как тради-ая советская лозунговость, особенно в достаточно об-и Лениниане Доможакова. Наивными кажутся сегод-и "Со словом Дружба и счастлив, и светел живет и Советской человек" ("Дружба"). Но, может быть, стали сегодня циничнее и черствее сердцем?

ском случае там, где обязательные требования ости не стесняли автора, его поэтические строки вы-ались безупречными художественно. Графически тельный пейзаж - выжженные солнцем простран-атской степи, скудные, как слезы, высыхающие ру-лучки ковыля, напоминающие борода чахоточного а. Громящая горная река, стиснутая кручами не-омад. Хакасские девушки с венками из синих ирисов окосых головках. Как правило, литературоведы от-и умение Доможакова "быть конкретным и точным в ании людей труда" (М.А.Унгвицкая). Седой чабан енной трубкой в зубах вглядывается в ночную мглу. ется по ветру выцветшее от зноя платье девушки-ком-

но Доможакову приходилось заниматься научной деятель-ностью. Он принимал непосредственное участие в составле-нии первых словарей и учебников хакасского языка. Сергей Сартаков: "Писать стихи... Но нет письменности, нет грам-матики, а без этого не создать и родной хакасской литерату-ры. Правда, есть великолепные знатоки фольклора: Балты-жаков, Манаргин, Коков, Аршанов, но все они самоучки. Их опыт и знания нужны в научных обобщениях. Значит идти в литературу - идти в науку". С 1944 года Доможа-ков начинает работу по организации Хакасского научно-ис-следовательского института языка, литературы и истории.

Однако широкую известность и заслуженную благодар-ность своего народа Николаю Доможакову принесло созда-ние первого масштабного прозаического полотна на хакас-ском языке - романа "В далеком аале". "Само появление крупного произведения было большим событием в молодой хакасской литературе. Оно знаменовало новый этап в по-ступательном развитии молодой литературы и свидетельство-вало о значительных потенциальных возможностях нацио-нальной прозы", - П.А.Трояков.

В чем же достоинство этого произведения в глазах совре-менного читателя? Нет, не в определенно расставленных классовых акцентах. В талантливо переданной атмосфере того времени - окончании гражданской войны, белые, крас-ные, новые люди, новые слова, новая жизнь - и неизвестно, какая она будет. "Редкие праздники выпадают их семье, все работа, работа. Вот Кнай заблудилась недавно в буран с овцами. Отара помяла мать. Почему они все такие беззащит-

дымом, сыростью кожей, овчинами. Но все перебивал за-пах кислого молока, квасившегося тут же, в большой кад-ке".

Этнографически точно Доможаков воспроизводит быт, не опускает даже такие, казалось бы, незначительные детали, как рубрики - длинные деревянные брусочки о четырех гранях, на которых зарубками чабаны отсчитывают, сколько овец в их отаре. Эти подробности, передавая колорит времени, опре-деляют художественную достоверность повествования в целом. Великолепно даны эпизоды "помочи" у бая Хапына. Мастерница Онис катает кошмы. "На ровной утрамбованной площадке она расстилает мешковину, другие женщины ей помогают. Тут же, рядом молодые девушки березовыми прутьями взбивают принесенную из амбаров шерсть, чтобы она вся была одинаково пышной. Свистят прутья, расхлест-ывая в пух слежавшиеся шерстяные комочки. И щебечут, буд-то ласточки, девушки. Онис требует, чтобы для застила ей подавали шерсть различных цветов - по черному полю буду-щей кошмы она пустит серые и желтые узоры..."

Существовало несколько вариантов романа. Книга не однократно перерабатывалась. После первой публика-ции автор ставил в упрек излишнюю этнографичность. А сегодня именно эта черта кажется особенно ценной. Тем бо-лее, что "В далеком аале" до сих пор является практически единственным произведением, через которое миллионная аудитория русских читателей ознакомилась, в замечатель-ном переводе Геннадия Сысолятина, с характером и обра-зом хакасского народа.

Остановлюсь также на том, как Доможаков показывает развитие отношений между людьми разных национальнос-тей. В романе существуют как бы два полюса. На одном Пичон, хазатайгинцы и Фрол Самохвалов. На другом семья Хоортая и Федор Польшцев. С первого взгляда линия раз-дела соответствует "принципу партийности". Но попробу-ем абстрагироваться от идеологии и исходить из более чело-веческих мотивов согласно тексту романа.

Союз хазатайгинцев и Самохвалова объясняется достаточ-но прямолинейно - у них общие враги. Они вместе до поры, до времени. "Харбинка уже знает немного по-хакасски и сам слышал, как толстый кызылец говорил молодому парню: "Вот из-за кого мы сидим тут, как барсуки в норах. Перере-зать бы обоим главарям глотки и раствориться в народе!" А разве у него самого не было мысли плонуть на Пичона и убирать подобру-поздорову за границу?"

Отношения между Федором и жителями Чобатского аала складываются много сложнее. Сначала опасение и взаимное недоверие. Но мудрость старика Хоортая помогает разо-браться, где добро и где обман. Польшцевы работают с дру-гими на "помочи" у Хапына, заслуживают уважение к свое-му трудолюбию и рабочей хватке. Аалские помогают им обжиться на новом месте. Федор строит кузницу, а Варя начинает учить грамоте ребятишек. Между хакасами и русской семьей устанавливается обычное доброе соседство. Общее дело, бескорыстное участие, желание поделиться радостью, сочувствие в горе - вот что может сблизить людей. И именно это утверждает хакасский писатель своим романом, а вовсе не "руководящую роль Коммунистической партии в преоб-разовании древней хакасской земли". Именно поэтому мы снова и снова будем обращаться к литературному наследию Николая Доможакова, к самому искреннему и сокровенно-му в его творчестве.

Напрасно, хищник, воешь на холме!
Две пары глаз, девичьих темных глаз,
Табун колхозный берегует от вас,
Неведом страх ночной двум дерзавым.
Двум девушкам, пастушкам боевым.

1947 г.

Перевод Н.Авраменко

Страницу подготовила
Наталья Ахнашева

И снег, что чабрецом степным пропах,
Хрустит с травой. вместе на зубах.
Луна укрылась тучами вдали.
Ни зги вокруг - темно, хоть глаз коли.
И девушки за снежной пеленой
В степи перекликаются ночной.
А кони отвечают дружно им
Похрапываньем радостным своим
И ржаньем весть друг другу подают,
Что смелые табунщики их тут.
Но свечи глаз в холодной тьме зажглись,
И волчий вой с холма полился ввысь.
Напрасно, ветер, силичишься во тьме!

а б у н щ и ц ы

арской ночью жгуч в степи мороз.
тоса кони кучками вразброс.
зний снег поземкою метет,
иски двум табунщикам сечет.
атауув покренче кушаки.
унов приподняв воротники,
табуи под ветром огненным
время стерегут. Привычно им.
тат кони снег, и он скрипит.
и снегу встает из-под копыт.